

Новые литературные источники о начале Соловецкого восстания

Олег Панченко (С.-Петербург)

Документальные и литературные источники по истории Соловецкого восстания весьма обширны и достаточно хорошо изучены. Не имея возможности подробно останавливаться на истории этого вопроса, отмечу работы последних лет, среди которых статьи и монографии Н. С. Демковой, Н. Ю. Бубнова, Е. К. Ромодановской, Н. В. Понырко, Е. М. Юхименко, О. В. Чумичевой, которым принадлежит заслуга открытия и исследования новых памятников, относящихся к истории Соловецкого восстания.

Тем не менее среди введенных в научный оборот памятников существует совсем немного сочинений, вышедших из самой среды защитников Соловецкого монастыря и характеризующих идеи и настроения монашеского большинства. Для характеристики общественной психологии соловецких монахов во время осады Соловецкого монастыря весьма информативным источником являются сказания о чудесах и видениях, выражавшие идеи и настроения защитников монастыря.

О распространенности среди соловлян сказаний этого рода сообщал в декабре 1668 г. высланный из монастыря дьячок Семен Калашников: видения "сказывают и складывают и пишут на столбцах и на тетратех, и простым людям на соборе чтут, а собирают собор для того нарочно" (Чумичева 1998, 42). Однако, в научной литературе о Соловецком восстании представлено всего несколько сочинений этого жанра. К ним относятся две повести, опубликованные О. В. Чумичевой, - "Повесть о видении инока Ипатия" и "Повесть об исцелении инока Исая Анзерского", в которых отразились

Олег Панченко:

Новые литературные источники о начале Соловецкого восстания.

In: S. Mengel (ed.), *мыслимо свободно именем и правом, Zu Ehren von Dietrich Freydanck*. Münster: LIT 2000. S. 189 - 208.

эсхатологические настроения соловецких монахов (Чумичева 1993, Чумичева 1998). К произведениям интересующего нас жанра относятся также "Видение караульного на Соловках (Демкова 1983) и "Рассказы двух паломников о начале Соловецкого восстания" (Ромодановская 1987). Нами обнаружен еще ряд памятников этого рода, которые представляют более широкую картину идей и настроений, существовавших в среде защитников Соловецкого монастыря. Об этих новонайденных литературных памятниках и пойдет речь в данной статье.

К ним относятся:

I. "Повесть о новоявленной иконе Одигитрии, принесенной в Соловецкий монастырь в 1662 году".

II. "Видение некоего работника о челобитьи Зосимы и Савватия Соловецких царю Алексею Михайловичу и об их грозном пророчестве" (повесть 1668 г.).

III. "Видение неверного работника Федора" (повесть 1668 г.).

IV. "Сказание о чудесах нового Сумского чудотворца" (цикл "чудес" 1668-1670 гг.)

Первые три из названных повестей дошли в составе соловецких сборников, написанных во время осады Соловецкого монастыря, а "Сказание о чудесах новоявленного Сумского чудотворца" сохранилось в сборнике конца XVIII в., списанном, как сказано в рукописи, со "старых столпцов."

Рассмотрим соловецкие сборники, в составе которых сохранились вновь найденные повести.

Первый из них - сборник Российской Национальной Библиотеки, собрания Богданова (О.И. 304), представляет собой конволют 40-70-х годов XVII в. Первая часть этого сборника (лл. 1-27) содержит составленную на Соловках подборку повестей о "чудесах" и "знамениях", случившихся в Русской земле в 1662-63 гг. - в Новгороде, в Белозерье, в Муроме, на Соловках и на Северной Двине (из соло-

вечких "знамений" в нее вошла "Повесть о новоявленной иконе Одигитрии, принесенной в Соловецкий монастырь в 1662 году".¹ К этой подборке повестей о знамениях 1662-63 гг. в сборнике прибавлена еще одна соловецкая повесть - "Видение неверного работника Федора в 1668 г." (лл. 28-32), а также "Откровение Иоанна Богослова", "Житие Иринарха Соловецкого" и две молитвы - Христу и Богородице (авторство последней из них приписано Максиму Греку). В дальнейшем мы будем называть этот сборник *Богдановским*.²

Второй соловецкий сборник находится в Древнехранилище Института русской литературы Российской Академии наук (Карельское собрание, № 11). Его создание относится к рубежу 60-70 годов XVII века.³ Сборник содержит подборку "чудес" Зосимы и Савватия Соловецких 40-60-х гг. XVII в., кажется, нигде более не встречающихся. Особенно примечательны два последних "чуда" (о "явлениях" Зосимы и Савватия работникам Соловецкого монастыря летом и осенью 1668 г.), на которых мы остановимся ниже. В состав сборника входит также выписка "Ответ о том, что есть ритор" из сочинения Григория Синайского и "Записка Арсения Суханова о чинех греческих вкратце" (ее соловецкая редакция). В тексте и на полях сборника сохранились многочисленные исправления, сделанные рукой нескольких редакторов. В дальнейшем мы будем называть этот сборник *Карельским*.

Третий сборник хранится в Соловецком собрании Российской Национальной Библиотеки (№ 334/ 354) и представляет собой конволют 40-60-х годов XVII в.⁴ Основная часть сборника содержит каноны Богородице, к которым в 60-е гг. XVII в. была приплетена "Повесть о новоявленной иконе Одигитрии, принесенной в Соловецкий монастырь в 1662 году". В дальнейшем мы будем называть этот сборник *Соловецким*.

Карельский и *Богдановский* сборники являются сборниками малого формата ("в осьмушку") и использовались для келейного чтения. *Соловецкий* сборник (форматом "в четверку") предназначался для чтения "на соборе": в пользу этого говорит содержание

рукописи (сборник канонов Богородице) и ее изящное оформление (в особенности - титульного листа: красочная заставка, "рука с цветком" и заглавие, написанное вязью).

Рассмотрим теперь первую из названных повестей - Повесть о новоявленной иконе Одигитрии, принесенной в Соловецкий монастырь в 1662 году.

Эта повесть входит в состав всех трех соловецких сборников: *Богдановского*, *Карельского* и *Соловецкого*.⁵ Текст повести дошел в двух редакциях - Краткой и Пространной. Краткая редакция представлена в списке Соловецкого сборника, а Пространная - в списках Богдановского и Карельского сборников. Сопоставление текстов обеих редакций показывает, что Краткая редакция является более ранней.

По сравнению с Краткой редакцией, в текст Пространной были внесены существенные исправления. В частности, в повести были изменены названия некоторых реалий: "нагайские татары" названы "крымскими", город, в который герой приходит за явленной ему во сне иконой, ошибочно назван *Саратовом* вместо Казани.

Отличает Пространную редакцию и появление в ней некоторых новых сюжетных мотивов, среди которых: извещение Богородицы иконописцу о предназначенности иконы для Соловецкого монастыря, благословение епископом Александром Вятским путешествия с иконой на Соловки, чудотворение иконы во время плавания по морю и другие (на некоторых из них мы более подробно остано вимся далее).

Рассказывается в Повести следующее.

Некий Иван Лянгусов, житель города Хлынова, был похищен калмыками и продан в рабство нагайским татарам (согласно *Пространной редакции* - "крымским татарам"). Находясь в плену, Иван Лянгусов дал обет написать две иконы - Спасителя и Богородицы. Однажды ночью ему удалось бежать. Проведя весь день в пути, он укрылся в тени деревьев и

забылся "в тонком сне". И перенесся духом в Казань, где оказался на площади, - в рядах, где торгуют иконописцы. И явились ему ангелы Божии и показали ему две иконы, которые он должен был написать по обету: одну - Всемилоственного Спаса, а другую - Богородицы Одигитрии. И велели ему ангелы икону Всемилоственного Спаса поставить в соборной церкви Саратова, а икону Богородицы отнести в Соловецкий монастырь. Увиденная им икона Одигитрии поразила его: Божья Матерь благословляла его двуперстным знамением!

Десница Богородицы, которая в традиционном типе Одигитрии простерта у груди, указывая на Младенца, на иконе, явленной Ивану Лянгузову, была сложена в благословляющем жесте. И персты для благословения, говорится в Повести, были сложены не по "нынешнему Никоновскому измышлению" (т.е. "имясловному"), а "по древнему преданию святых отец" (двоперстному), "благословляя и нас знаменаться тем же крестным знамением".

Очнувшись от видения, беглец добрался до Казани (в *Пространной редакции* - до Саратова), пришел на площадь и увидел у иконописца обе явленные ему иконы. И попросил он иконописца отдать ему те святые иконы, рассказав ему о своем видении. И иконописец отдал ему их с радостью (ибо и ему было явление Пресвятой Богородицы - сказано в *Пространной редакции*).

Икону Всемилоственного Спаса Иван отнес, по обету, в Саратов, а с иконой Богородицы отправился к епископу Александру Вятскому и испросил у него благословение на путешествие в Соловецкий монастырь. И подписал у епископа Александра "молитвенную книгу", чтобы икону повсюду встречали с честью. (Известие о благословении и подписи Александра Вятского появляется только в *Пространной редакции*).

А во время путешествия по Белому морю икона Богородицы явила чудо: спасла корабль от потопления. (Об этом чуде также говорится только в более поздней *Пространной редакции*).

На Соловки Иван прибыл 16 мая 1662 года. Прочитав челобитную с подписью Александра Вятского, архимандрит и братья торжественно встретили чудотворную икону и поместили ее в Преображенском соборе напротив левого клироса.

Так заканчивается Повесть о чудотворной иконе Одигитрии, принесенной в мае 1662 г. в Соловецкий монастырь.

Не вызывает сомнений, что икона, принесенная Иваном Лянгусовым на Соловки, относится к иконографическому типу "Седмиезерной".⁶ Отличительной чертой "Седмиезерной иконы" является положение десницы Богородицы, "осеяющей молящегося почти благословляющим жестом" (Бусева-Давыдова 1996, 364).

Этот нетрадиционный для иконографии Одигитрии жест Богородицы был воспринят Иваном Лянгусовым как двуперстное благословение. Подобное восприятие икон типа "Седмиезерной" было весьма обычным явлением среди старообрядцев: примеры такого рода приводит в своей статье И. Л. Бусева-Давыдова (Бусева-Давыдова 1996, 372-373).⁷

Икона, принесенная из Казани на Соловки, была списком с чудотворной иконы "Седмиезерной", прославившейся в Казани во время морового поветрия 1654-1656 годов. От язвы, которая поразила тогда Москву и многие поволжские города, в Казани умерло до 48 тысяч человек. Летом 1656 года казанский воевода И. Н. Хованский доносил в Москву, что в городе на улицах днем пусто, как ночью: умерли попы, служилые люди, стрельцы, монахи кремлевского монастыря... Вскоре после этого умер и сам воевода И. Н. Хованский, а затем - Казанский митрополит Корнилий. И лишь после перенесения из Седмиезерной пустыни в Казань новоявленной иконы Богородицы смертоносная язва прекратилась (Знаменский 1869, 304-307).

Местное почитание чудотворной иконы "Семдиезерной" было установлено новым Казанским митрополитом Лаврентием в 1658 году. Поэтому в соловецкой "Повести о новоявленной иконе Одигитрии", события которой происходят всего несколькими годами позже (1659-1662), "Седмиезерная" икона названа "новоявленной".

Чудотворная "Седмиезерная" икона, находящаяся в Казани, является "пядничной" (ее размеры: около 32 см в длину и 28 см в ширину). По-видимому, такой же величины был и принесенный на Соловки список с казанского оригинала. Списки с чудотворных икон нередко повторяют размер подлинников: такова, например,

"Седмиезерная" икона из собрания Н. П. Лихачева, находящаяся ныне в Русском музее (воспроизведена в кн.: Лихачев 1911, рис. 249), или список с чудотворной иконы в Седмиезерной пустыни близ Казани, "подобный ей видом и мерою", сохранявшийся в пустыни в XIX веке (Знаменский 1869, 319).

Не вызывает сомнений, что в "Повести о новоявленной иконе Одигитрии, принесенной в Соловецкий монастырь в 1662 г." запечатлено действительное событие мая 1662 года. Но всякому такому событию обычно сопутствует устное предание, которое имеет тенденцию к дальнейшему развитию сюжета.

Одна из первых версий предания о принесении новоявленной иконы на Соловки записана в Краткой редакции Повести. Рассказ в ней содержит некоторые детали, которые создателем Пространной редакции впоследствии были изменены (например, упоминание о том, что две иконы, увиденные Иваном Лянгусовым во сне, затем были куплены им у иконописцев в Казани, заменено легендой о дарении их ему иконописцем, которому явилась Богородица.)

В Краткой редакции отсутствуют все те дополнительные сюжетные мотивы, которыми богата Пространная редакция: о явлении Богородицы иконописцу; о чудотворении иконы на море; о благословении, данном епископом Александром Вятским на перенесение иконы в Соловецкий монастырь.

Известие о благословении епископа Александра Вятского, появившееся в Пространной редакции повести, является недостоверным: из других источников известно, что во время событий, описываемых в повести, епископ Александр находился в Москве - с августа 1658 г. по февраль 1664 г. (Верещагин 1909). Представляется крайне маловероятным, чтобы вятчанин Иван Лянгусов мог прийти в Москву с двуперстно благословляющей иконой (рискуя быть схваченным за старообрядческую агитацию), для того только, чтобы испросить у епископа Александра благословение на путешествие в Соловецкий монастырь (при этом уже совершив большую часть путешествия - до Москвы - без чьего-либо благословения).

Однако, несмотря на недостоверность этой легенды, она все же отражает реальное отношение соловецкой братии к епископу Александру Вятскому, а также веру в то, что в церкви Христовой сохраняются истинные архипастыри, верные апостольскому и святоотеческому преданию.

Александр Вятский заслужил симпатии соловецкой братии, прежде всего, благодаря открытому выражению им своего неприятия никоновских реформ. Во всех его сочинениях, написанных в 60-е гг. XVII в., звучит полемика с патриархом Никоном: в "Молении" к царю (июль 1662 г.), в "Обличении на патриарха Никона" (декабрь 1662 г.), в "Вопросах к собору наименьшего из архиереев" (начало 1666 г.) (Бубнов, Власов 1988). Волновала его и тема, которой посвящена Повесть о новоявленной иконе Одигитрии, - об истинном крестном знамении: сохранилось известие, что им были написаны "две тетради о сложении перстов крестного знамения" (Субботин 1874, 324).

С чем же еще, помимо отражения реального события принесения иконы на Соловки, было связано создание Повести о новоявленной иконе Одигитрии и появление двух ее редакций? Оно было связано, прежде всего, с общественным подъемом первой половины 60-х годов XVII века, вызванным самовольным уходом патриарха Никона с патриаршего престола и ожиданием обществом перемен.

Надежды на перемены были порождены собором 1660 года, высказавшимся за низложение патриарха Никона. Для канонического низложения Никона и избрания нового патриарха было решено созвать новый архиерейский собор, на который пригласили четырех вселенских патриархов. Начало собора, согласно царскому указу, было намечено на май-июнь 1663 года.

Для законного низложения патриарха Никона стали собирать сведения о его "винах". В конце декабря 1662 года во все монастыри были разосланы царские грамоты, которыми предписывалось прислать расписки, когда и сколько патриарх Никон взял себе "монастырской казны, хлеба, лошадей и иного чего" и какие выменял себе

монастырские вотчины - за цену или без цены. Была такая грамота получена и в Соловецком монастыре, на которую в июле 1663 года был отослан ответ, отвезенный в Москву "монастырским слугой" Фаддеем Панфиловым (РНБ, Соловецкое собр. № 19/ 1478, 173-178).

Из-за многочисленных откладываний, связанных с ожиданием приезда вселенских патриархов, собор начался только в 1666 году. В ожидании собора, в первой половине 60-х гг., противники Никона написали целую серию челобитных, авторами которых были Спиридон Потемкин, Никита Добрынин, протопоп Аввакум, поп Лазарь, инок Савватий и другие.

В условиях общественного подъема начала 60-х гг. XVII в., связанного с ожиданием антинеконового собора, и были созданы обе редакции "Повести о принесении иконы Одигитрии в Соловецкий монастырь в 1662 году". Их создатели, враждебно относившиеся к деятельности патриарха Никона, несомненно, стремились повлиять на общественное мнение и, опосредованно, - на решения собора, который (как ожидали многие) должен был осудить никоновские нововведения. Однако этого не случилось: собор 1666 года, хотя и низложил патриарха Никона, но в то же время признал его реформы.

Следующие две повести описывают "видения", случившиеся на Соловках летом и осенью 1668 г. "Видения" эти имели большое влияние на настроения соловецкой братии. Выше мы уже приводили слова "выходца" из Соловецкого монастыря Семена Калашникова о "видениях" в монастыре: о том, что их "сказывают, и складывают, и пишут на столбцах и на тетратех, и простым людям на соборе чтут, а збирают собор для того нарочно" (Чумичева 1998, 42).

"Видение о пророчестве Зосимы и Савватия царю Алексею Михайловичу" сохранилось в единственном списке, входящем в состав *Карельского* сборника. Во время бытования этого списка в руках разных читателей в текст было внесено существенное исправление, изменившее смысл пророчества Зосимы и Савватия царю Алексею Михайловичу. Поэтому, имея дело с одним списком Повести, мы

различаем две ее редакции: первоначальную и позднейшую (с учетом редакторского исправления).

Итак, рассмотрим содержание "видения", случившегося в июле 1668 года, менее чем через месяц после начала осады Соловецкого монастыря и спустя полгода после того, как царь Алексей Михайлович лишил своим указом Соловецкий монастырь всех его вотчин.

Один из соловецких работников - человек, как сказано, "старый и благоговейный", находясь в келии вместе с пятью другими работниками, вдруг отрешился от окружающих и перенесся духом в Москву, и оказался у Покровских ворот. И увидел двух старцев, идущих в соборную церковь, в которых узнал Зосиму и Савватия Соловецких. А люди, толпившиеся вокруг, называли их "соловецкими челобитчиками".

И подошли старцы к царю Алексею Михайловичу и, поклонившись ему, сказали: "Пощади, Государь, нашу обитель. Если же не пощадишь, то время преставлению *света сего быти*".

Именно в эту фразу позднейший редактор повести внес свое исправление, заменив пророчество о конце света пророчеством о судьбе царя Алексея Михайловича. Вот как оно выглядит в исправленном виде: "Если же не пощадишь, то время преставлению *твоему от света сего быти*".

Услышав эти слова, царь обратился к своим боярам: как поступить с этими старцами. Они же ему отвечали: "Да будет, Государь, по твоей воле". И сказал царь соловецким старцам: "пусть будут в вашей обители пенне и служба, и вотчины те же, что прежде, - все по древнему преданию и чину, без перемены".

Обе редакции Повести о пророчестве Зосимы и Савватия царю заслуживают особого внимания.

Первая редакция повести отразила эсхатологические настроения, характерные для соловецкой братии накануне и во время осады Соловецкого монастыря.⁸ Эсхатологическая тематика объединяет данную повесть с двумя другими уже известными повестями - "Видением инока Ипатия" и "Повестью о исцелении инока Исая", действие которых происходит в 1667 году (Чумичева 1998, 114-116). При-

мечательно, что все эти три повести, хотя и рассказывают об эсхатологических "видениях", имеют все же одинаково оптимистический финал. Во всех трех повестях присутствует надежда на возможность благополучного исхода. Для спасения нужно одно: не принимать "новой веры" (или, как в повести о пророчестве царю Алексею Михайловичу: сохранить Соловецкую обитель с ее пением и службой "по древнему преданию").

Однако любые эсхатологические пророчества, в конечном счете, противоречат тексту Евангелия, в котором сказано: "О дни же томь и часе никтоже весть, ни ангели небеснии, токмо Отець Мои единъ" (Мф. 24, 25). Исправление, внесенное в текст "пророчества" Зосимы и Савватия позднейшим редактором, мы объясняем необходимостью привести это "пророчество" в согласие с духом Евангелия.

Благодаря этому исправлению, в тексте второй редакции исчезает предсказание о близкой гибели всего мира, зато отчетливее звучит идея о личной ответственности царя Алексея Михайловича за судьбу Соловецкой обители. Дальнейшее развитие этой идеи находим в сочинениях протопопа Аввакума, дьякона Федора, в "Истории об отцах и страдальцах соловецких" Семена Денисова, которыми смерть Алексея Михайловича рассматривалась как закономерная расплата за взятие Соловецкого монастыря.

Перейдем к анализу третьей из названных в начале этой статьи повестей - "Видению неверного работника Федора". Эта повесть входит в состав двух соловецких сборников - *Карельского* и *Богдановского*.

Эта повесть посвящена одной из наиболее важных для соловецкой братии тем: вопросу о "верности отеческому преданию". Рассказывается в ней следующее.

Некий работник Соловецкого монастыря по имени Федор был одержим "неверием" к преподобным Зосиме и Савватию, потому что посещали его лукавые помыслы. "Отчего, мол, не покоряются старцы в Соловецком монастыре и не принимают нового пения и службы?"

И вот, 2 сентября 1668 года, когда Федор находился в одной из соловецких вотчин, явились ему во сне два старца в иноческом одеянии, один из которых держал в руке игуменский жезл. И сказали ему старцы, что пришли купить рыбы для Соловецкого монастыря. Федор ответил им, что купить рыбу для монастыря теперь невозможно, потому что даже имя его опасно произносить "страха ради царева". И упрекнул старцев: "Из-за вашего непокорства вы и монастырь пуст сотворили, и нам здесь хлопот немало чините".

На эти дерзкие слова ответил ему старец, державший игуменский жезл: "Что это ты, окаянный, нам препятствуешь? А еще называешься работником нашего монастыря! Прими же от нас наказание, дабы *не неверовал, но был верен*, - и другим бы поведал!" И сказав это, стал бить его по бедрам жезлом своим. Не выдержав наказания, Федор проснулся, и рассказал прибежавшим на крик товарищам о своем видении и показал им "знамение" на бедрах своих.

В основе сюжета этой повести лежит конфликт *веры и неверия*. При этом вера понимается как *верность* преданию преподобных отцов, а неверие означает *забвение* отеческих уставов. Во время церковной службы или келейного чтения каждый из соловецкой братии не раз внимал "заповеди преподобного Зосимы", записанной в его Житии и обращенной к каждому из его духовных чад: "... Но блюди, брате, прочее, *да ничтоже оставится от завещанных божественными правилами (...), иже имать церкви Божия, и пения соборная (...), и весь чин манастыря сего*; завещаваю всемъ учеником своим: ничтоже от преданных техъ обычаевъ вредити..." (РНБ, Соловецкое собр., № 670/728, л. 30).⁹

Перемена церковного чина или принятие нового пения, несомненно, означали бы попрание этой *отеческой* заповеди и *личную измену* преподобному основателю монастыря.

Итак, если соловецкую братию ободряло сознание того, что они находятся под защитой своих чудотворцев, то именно это обстоятельство должно было смущать умы осаждавших, которые понимали, что противостоят им не одни соловецкие монахи, но и их небесные покровители - преподобные Зосима и Савватий, митрополит Филипп и преп. Герман, и другие угодники Соловецкого монастыря.

Особенное смятение ума должны были испытывать обитатели Сумского острога, который из вчерашнего подворья Соловецкого монастыря превратился в штаб враждебных монастырю войск. Несомненно, в Сумском остроге должны были искать себе других небесных покровителей. И такие попытки предпринимались. Подтверждает это найденное нами сочинение, созданное во время осады Соловецкого монастыря в Сумском остроге, которое называется "Сказанием о чудесах и явлениях преподобного отца нового Сумского чудотворца" (в подзаголовке его указано: "списано со старых столбцов").

Находится это сочинение в рукописи Российской Национальной Библиотеки, собрания Колобова, № 207.¹⁰ И хотя сама рукопись датируется концом XVIII в., но время создания архетипа "Сказания" относится к периоду осады Соловецкого монастыря.

Сказание состоит из шести "чудес", повествующих об исцелениях по молитвам к новому сумскому чудотворцу. Первые пять "чудес" составлены в форме делопроизводственного документа - "столбцов", записанных со слов исцеленных земскими подьячими и засвидетельствованных сумским таможенным головой Фаддеем Панфиловым. Все пять "чудес" датируются 1668-1670 гг. Шестое "чудо" написано в 1704 г. священником местной церкви, который уже не следовал форме "столбцов". В дальнейшем изложении мы ограничимся рассмотрением только первых пять "чудес", относящихся к периоду осады Соловецкого монастыря.

Сюжет всех пять "чудес" не отличается разнообразием: святой является людям, страдающим разными недугами, в белых священнических ризах или в иноческом одеянии, и велит им идти в Сумской острог молиться новому чудотворцу. Придя в Сумской острог и помолившись у гроба преподобного, больные получают исцеление.

При этом имя нового чудотворца не называется ни в одном из "чудес". Свидетели "чудес" называют его просто "преподобным отцом, сумским чудотворцем, а имя его Богъ весть" (л. 9).

Кем же был этот "новый чудотворец"? - В собрании рукописей Соловецкого монастыря сохранилась копия грамоты Новгородского митрополита Питирима в Соловецкий монастырь от 26 февраля 1666 года, в которой он повелевает "досмотреть" гроб, вышедший из земли 17 сентября 1665 г. близ церкви Николая чудотворца в Сумском остроге, и установить, кто находится в гробе - инок или мирянин, а также "сыскать", не было ли от него исцелений (РНБ, Соловецкое собр., № 20/1479, 259-260).

Результатом "досмотра" было обнаружение в гробе иноческих мощей (которые затем снова погребли в построенной для них часовне). "Сыск", проведенный среди людей всякого чина, никаких положительных сведений о чудесах исцелений не сообщил.

Первое чудо от гроба нового сумского святого совершилось более чем через 2 года после обретения его мощей - 11 января 1668 года, когда расслабленный ногами работник Соловецкого монастыря Исидор получил исцеление. С него и начинается запись чудес в рассматриваемом нами "Сказании".

При сопоставлении этого "чуда" с другими документальными источниками мы обнаружили, что известие об этом чуде содержится также и в письме ("отписке") соловецкой братии к царю Алексею Михайловичу от 23 февраля 1668 года:

"Ксему же, государь, многие ныне у насъ явные чюдотворения от Пречистыя Богородицы и угодников Ея, *преподобных отец нашихъ*, - во обители нашей, въ Поморни, въ Сумскомъ остроге и в Анзерской пустыни (...), от нихже о расслабленном некоем Исидоре, исцелевшем въ Сумском остроге сея зимы, после Богоявления дни, всемъ, иже въ Поморни (...) ведомо известно" (Субботин 1878, 314-315).

Основное отличие в упоминании об одном и том же чуде двумя разными источниками заключается в том, кому принадлежит это исцеление. В "отписке" соловецкой братии царю Алексею Михайловичу исцеление Исидора названо одним из чудес *соловецких* святых - "преподобных отец наших" (к числу которых мог относиться и "новый" сумский святой). В Сказании же "о явлениях и чудесах нового сумского чудотворца" исцеление расслабленного Исидора при-

знается чудом *одного* только сумского святого.

Почему? Ответ прост: говоря современным языком, в условиях противоборства двух сторон "чудотворения" являются сильным идеологическим оружием в руках той стороны, в чьей "области" они совершаются. Ибо каждая из противоборствующих сторон ищет "свидетельств" того, что Божие благоволение пребывает с нею, что само по себе уже является доказательством ее правоты в споре.

Чудеса, которые "ныне совершаются" в "области Соловецкого монастыря" (верного "преданиям святых отец"), являются главным аргументом соловецкой братии в ее "отписке" к царю и высшим доказательством собственной правоты, засвидетельствованной Божиими чудотворениями.

В такой же мере и чудотворения "нового" сумского святого, явленного "в нынешнее время" в послушном царю Сумском остроге, являются не менее серьезным контраргументом власти в ее споре с соловецкими "ворами" о том, на чьей же стороне Бог.

Скрытая полемика на эту тему присутствует во всем цикле "чудес" сумского чудотворца. Однако в одном из "чудес" она выражена особенно явно ("чудо" 4-е). Рассказывается в нем об исцелении "новым чудотворцем" соловецкого старца Алексея. Находясь в Соловецком монастыре, он более полугода страдал струпом на ноге и не получал исцеления. Исцелил же его сумский святой, который явился ему во сне, будучи лицом "благообразень, а волосомъ русь, во иноческомъ одеянии". На вопрос Алексея: "Кто ты еси, господине отче?" - чудотворец ему ответил: "'Я изъ Сумского острога', а имени своего не поведалъ." Вскоре после этого чуда старец Алексей не пожелал более противиться царской воле и в 1669 году был "выслан замятежниками" из Соловецкого монастыря в Сумский острог (РНБ, собр. Колобова, № 207, лл. 10-10об.).

Известно имя инициатора записи всех этих чудес. Им был Сумский таможенный голова Фаддей Панфилов - уже известный нам ранее как "слута"¹¹ Соловецкого монастыря Фаддей Панфилов, которому в 1663 г. было поручено отвезти в Москву "сказку"

архимандрита Варфоломея о монастырской казне и иных вещах, взятых из монастыря патриархом Никоном (РНБ, Соловецкое собр. № 19/ 1478, 174-178).

Обращают на себя внимание два обстоятельства: то, что запись чудес была сделана на "столбцах", то есть в форме делопроизводственного документа; и то, что они были составлены официальным лицом - Сумским таможенным головой. Это дает основание предполагать, что "столбцы" с данными "чудесами" готовились к отсылке местному архиерею (Новгородскому митрополиту) и могли быть подготовительными материалами для последующей канонизации "нового" святого¹² (затея бессмысленная, ввиду отсутствия имени).

Не желая подвергать сомнению "подлинность" сумского святого (ведь действительно Богом, по его молитвам, были дарованы исцеления), мы не можем, однако, не отметить и следующего: стремления сумских властей укрепить свой духовный авторитет среди населения Поморья за счет местного святого. Не последнюю роль играло и желание умалить авторитет "мятежного" Соловецкого монастыря, опиравшийся на славу соловецких чудотворцев. (Может быть, именно из-за этой чрезвычайной человеческой "заинтересованности" властей, безымянный чудотворец так и не открыл своего имени).

И все же последнее слово в этом своеобразном "состязании" о том, на чьей стороне Бог, осталось за Соловецкой обителью. На седьмом году после начала ее осады в обители были обретены благоуханные мощи игумена Иринарха. Не это ли явилось лучшим доказательством Божьего благоволения к защитникам "предания святых отец"!

Сказание об обретении мощей игумена Иринарха до нас не дошло. Мы знаем о нем только из сочинения протопopa Аввакума (которого известили об этом чуде в Пустозерском остроге):

"И ныне явился новой святой - Иринарх в Соловецком монастыре (...) на обличение никониянам-новолюбцам, врагом и отступником от Христа, и от Пречистой Богородицы, и от соловецких чудотворцев. Как вы, никонияня, скрыть чудо сие умыслите? Али сие рцете, яко вашего ради

достояния земля Иринарха-отца изведе из недр своих ради ваших новых блядивых молитв? (...) Не лгите на истинну: пение в Соловках церковное и келейное по старому православию, и книги имеют старопечатные, вашим блядям противятся, того ради от вас в осаде сидят седьмь годов, алчни и жадни, и наги и боси, терпят всякую нужду ради веры православныя. Того ради, утешая их, Бог изведе из земля старого игумна Иринарха, бывшаго древле в православной вере..." (Демкова, Сесейкина 1990).

Сравнивая двух "новоявленных" святых: Иринарха Соловецкого и "безымянного" сумского чудотворца - легко заметить их существенное отличие, которое заключается в отсутствии имени сумского святого, что могло вызывать сомнение в его "подлинности".

В заключение сюжета о "сумском чудотворце" отметим, что после чудес 1668-1670 гг. его чудотворения надолго прекращаются - до 1704 года (см. "чудо" б-е). Следующее явление Сумского святого происходит в 1710 г., когда вновь было проведено освидетельствование его мощей (Никодим 1900, 36-37).

Отсутствие документальных источников не позволяет нам установить точно, когда именно безымянный сумский святой был отождествлен с младшим современником преподобного Зосимы иноком Елисеем. Не вызывает сомнений, что причиной этого отождествления послужило "Чудо о чернице Елисее", входящее в состав "Жития Зосимы Соловецкого": в нем рассказывается о соловецком монахе Елисее, принявшем схиму в Сумском остроге и там же погребенном (см.: Дмитриева 1991, 262-264).

Примечательно, что в рассмотренной нами рукописи РНБ, собр. Колобова, № 207 (конца XVIII века) имеются оба эти текста - "Чудо о иноке Елисее" и "Сказание о явлениях и чудесах нового Сумского чудотворца", но они еще не составляют единого произведения (а только объединены в один сборник). Каждое из этих сочинений в сборнике собр. Колобова № 207 написано разным почерком и имеет свое собственное название. И в заглавие всего сборника также вынесено название именно второго сочинения - "Сказание известно о чюдесехъ и явленияхъ преподобнаго отца Сумскаго новаго чюдотворца: списано со старыхъ столпцовъ" (на л. 1 скорописью XVIII

века). Как видим, отождествления инока Елисея с "сумским святым" в этом сборнике еще не произошло, но шаг к этому уже был сделан.

Окончательное отождествление этих двух лиц произошло в XIX веке, когда "безымянный святой" поучил, наконец, имя Елисея, а старец Елисей стал "сумским чудотворцем"¹³ (Соловецкий патерик 1873).

Такова история нескольких найденных нами литературных памятников, созданных в "пределах" Соловецкого монастыря в 60-е годы XVII века, в один из наиболее драматических моментов его истории.

Сочинения русских и славянских писателей, посвященные культуре Зосимы и Савватия Соловецких, были темой наших обсуждений с профессором Дитрихом Фрайданком и его коллегами профессором Германом Гольцем и доктором Сабиной Фаль во время стажировки автора этой статьи в Институте славистики в 1995 году. Светлой памяти профессора Фрайданка посвящает автор этот скромный обзор рукописных находок - с благодарностью и сердечной преданностью.

Примечания

¹ Как показывает анализ первой части Богдановского сборника, в Соловецком монастыре в 60-е гг. XVII века велась погодная запись чудес и знамений, происходивших во всей Русской земле (записывались рассказы паломников). В Богдановском сборнике сохранился лишь фрагмент этого "летописца" чудес, ограниченный временными пределами с мая 1662 г. по май 1663 г. За год в нем было записано 5 чудес, совершившихся в Саратове, Муроме, Новгороде, Белозерье, а также в пределах Соловецкого монастыря.

² Филигранные Богдановского сборника: Первая рукопись: л. 1-27 - "Голова шута", вар.: Дианова 1997, № 601 (1665 г.); Вторая рукопись: л. 28-32 - "Голова шута", типа: Дианова 1997, № 292 (1662 г.). Третья рукопись: л. 34-77 - "Рог изобилия", типа: Дианова, Костюхина № 1134 (1647 г.). Четвертая рукопись: л. 78-95 - герб Амстердама, типа: Дианова 1998, № 222 (1663 г.). Пятая рукопись: л. 96-100 - "кувшинчик" (ср.: Дианова, Костюхина № 723 - 1658 г.). Шестая рукопись: л. 101-162 - "голова шута" двух разновидностей: типа: Дианова 1997, № 304 (1656 г.) и типа: Гераклитов № 1329 (1656 г.); "Страсбургская лилия" типа: Гераклитов № 193 (1649 г.); "крест лотарингский" типа: Дианова, Костюхина № 597 (1652 г.).

³ Филигранные Карельского сборника: "голова шута" - типа: Дианова 1997 № 409 (1665 г.).

⁴ Филигранные Соловецкого сборника: Первая рукопись: л. 1-351 - "ворота крепостные" типа: Гераклитов № 44 (1649 г.); л. 353-354 - "Страсбургская лилия" с контрамаркой EI (в альбомах точного соответствия не обнаружено). Вторая рукопись: л. 355-363, 368 - "орел маленький одноглавый на гербовом щите под короной" (сер. XVII в.; в альбомах не обнаружен). Третья рукопись: л. 364-367 - "рожок" типа: Хивуд № 2783 (ок. 1665 г.). Припереплетные листы (л. I-

III): герб "перевязь" - типа: Гераклитов № 255 (1642 г.).

⁵ А. Эббингхаусу эта повесть известна, но только в одном списке - из собрания Богданова (Эббингхаус 1990, 91, 94).

⁶ О иконографии "Седмиезерной" иконы Богородицы см. статью: Бусева-Давыдова 1996.

⁷ И. Л. Бусева-Давыдова приводит, в частности, изображение Одигитрии типа "Седмиезерной" на старообрядческой иконе середины XVIII века из собрания Н. П. Лихачева, на которой изображен св. Симон Юрьевский, предстоящий пред благословляющей его иконой Одигитрии, что является одним из свидетельств почитания этой иконы старообрядцами и в более позднее время (воспроизведение иконы см.: Лихачев 1906)

⁸ Известно, что соловецкий казначей Геронтий даже рассчитал наступление конца света в 1674 году (Барсов 1890, 121; Смирнов 1898, 46).

⁹ Цитирую по соловецкой рукописи 60-х гг. XVII в.

¹⁰ РБН, собр. Колобова, № 207. Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца нового Сумского чудотворца. XVIII в. (кон.), в 4-ку, 14 лл., полуустав трех почерков. Переплет картонный. Водяные знаки: герб Вятской губернии с контрамаркой ВСМ/ СФР и белой датой "1789" - типа: Клепиков 1978, № 156. Содержание: л. 2-6 - Чудо преподобного Зосимы о иноке Елисее (ср.: Дмитриева 1991, 262-264); л. 6-14 - Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского нового чудотворца. Рукопись происходит из старообрядческой среды: слово "Исус" написано с одной буквой "и" (л. 12об.).

¹¹ Положение "монастырских слуг" (которые по происхождению обычно были дворянами или городскими жителями) соответствовало положению служилых людей на государственной службе.

¹² Эту мысль подсказала мне Е. М. Юхименко, которой я приношу свою благодарность.

¹³ Отметим, что старец Елисей, согласно "Житию преп. Зосимы", не был священником, в то время как в "Сказании" неведомый святой несколько раз является "в белых священнических ризах" ("чудеса" 2-е, 3-е и 5-е).

Список цитируемой литературы

Барсов 1890 - Е. В. Барсов, Новые материалы для истории старообрядчества XVII-XVIII веков, собранные Е. В. Барсовым, Москва.

Бусева-Давыдова 1996 - И. Л. Бусева-Давыдова, Богоматерь Седмиезерная, К вопросу о сложении иконографического типа, in: Чудотворная икона в Византии и Древней Руси, Москва, 363-384.

Бубнов 1995 - Н. Ю. Бубнов, Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в., Источники, типы и эволюция, Санкт-Петербург.

Бубнов, Власов 1988 - Н. Ю. Бубнов, А. Н. Власов, Александр Вятский - писатель и книжник XVII в., in: ТОДРЛ 41, 1988, 375-380.

Верещагин 1908 - А. Верещагин, Из истории Вятской иерархии, Первый епископ Вятский Александр (1658 - 1674 гг.), in: Труды Вятской ученой архивной комиссии, Вятка, вып. II, 28-29.

Демкова 1983 - Н. С. Демкова, Из истории ранней старообрядческой литературы, IV, "Исповедание" Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г., in: ТОДРЛ 37, 1983, 325.

- Демкова, Сесейкина 1990 - Н. С. Демкова, И. В. Сесейкина, Старейший (печорский) список "Книги толкований и нравоучений" Аввакума, найденный В. И. Малышевым, in: Древлехранилище Пушкинского Дома, Материалы и исследования, Ленинград, 119-120.
- Дмитриева 1991 - Р. П. Дмитриева, Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы, in: Книжные центры Древней Руси, XI-XVI вв., Разные аспекты исследования, Санкт-Петербург, 220-282.
- Знаменский 1869 - П. Знаменский, Описание Седмиозерной Богородицкой пустыни, in: Православный собеседник 1869, № 11, 212-252; № 12, 297-319.
- Лихачев 1906 - Н. П. Лихачев, Материалы для истории русского иконописания, т. 2, Санкт-Петербург, 9, табл. CCCIX. ил. 589.
- Лихачев 1911 - Н. П. Лихачев, Историческое значение итало-греческой иконописи, Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон, Санкт-Петербург, Рис. 249.
- Никодим 1900 - Никодим, иеромонах, Верное и краткое исчисление преподобных отец Соловецких, в посте и добродетельных подвигах просиявших, и исторические сведения о церковном их почитании, Санкт-Петербург, 36-27, 109.
- Понырко, Юхименко 1988 - Н. В. Понырко, Е. М. Юхименко, Повесть об осаде Соловецкого монастыря. Подготовка текста и комментарии, in: Памятники литературы Древней Руси, XVII век, Книга первая, Москва, 155-191.
- Ромодановская 1987 - Е. К. Ромодановская, Сочинение современника о начале Соловецкого восстания, in: Исследования по древней и новой литературе, Ленинград, 194-199.
- Смирнов 1898 - П. С. Смирнов, Внутренние вопросы в расколе в XVII в., Санкт-Петербург.
- Соловецкий патерик: Санкт-Петербург 1873.
- Субботин 1875 - Н. И. Субботин, Материалы для истории раскола за первое время его существования, Москва, т. 1, 324, № 6.
- Субботин 1878 - Н. И. Субботин, Материалы для истории раскола за первое время его существования, Москва, т. 3, 311-315.
- Чумичева 1993 - О. В. Чумичева, Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667-1676 гг., in: ТОДРЛ 47, 1993, 285-292.
- Чумичева 1998 - О. В. Чумичева, Соловецкое восстание 1667-1676 гг., Новосибирск.
- Эббингхаус 1990 - A. Ebbinghaus, Die altrussischen Marienikonen-Legenden, Berlin, 91, 94.
- Юхименко 1991 - Е. М. Юхименко, Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семена Денисова - памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в., Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук, Ленинград.